

Константин Сергеевич Аксаков

**По поводу VII тома «Истории
России» г. Соловьева**

Константин Сергеевич Аксаков

По поводу VII тома «Истории России» г. Соловьева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2684405

Аннотация

«VII том почтенного профессора заключает в себе царствование Федора Иоанновича; но первая глава посвящена описанию состояния русского общества во времена Иоанна IV и относится, следовательно, по содержанию к VI тому. Эта глава занимает больше половины книги: 245 страниц; во всей книге 433 страницы, кроме примечаний.

Рассматривая первую главу, скажем сперва замечания общие...»

Содержание

Константин Сергеевич Аксаков По поводу VII тома «Истории России» г. Соловьева

VII том почтенного профессора заключает в себе царствование Федора Иоанновича; но первая глава посвящена описанию состояния русского общества во времена Иоанна IV и относится, следовательно, по содержанию к VI тому. Эта глава занимает больше половины книги: 245 страниц; во всей книге 433 страницы, кроме примечаний.

Рассматривая первую главу, скажем сперва замечания общие.

Первое замечание, которое должны мы сделать, состоит в том, что в этой главе мало последовательности, мало систематического порядка; быть может, автору, несмотря на все его желание, не удалось внести этот порядок в свое сочинение. Автор вдруг от одного предмета переходит к другому без всякой видимой причины, иногда вновь к нему возвращается; иногда начинает говорить о другом важном предмете, не отделяя речи даже внешним образом, не относя ее к другой строке. Так, начав говорить на первых страницах кни-

ги о сознании царской власти Иоанном, автор переходит к обычаям нового двора, говорит о свадебных обрядах, о других обычаях; наконец, перечисляет название нарядов и разных сосудов Иоанна IV. Потом автор переходит к Думе боярской, к местничеству и т. д. Впрочем, быть может, тут и есть свой порядок: сперва сказать о царе и о дворе со всеми подробностями, потом о боярской Думе и т. д. Но такого рода порядок едва ли верен, да и его проследить трудно у г. Соловьева. На странице 14 вдруг встречаются такие слова: «В летописи находим следующее известие о распоряжениях Иоанна относительно службы воинской». Читатель ждет этих распоряжений, и что же читает в следующих за тем строках: «Приговорил царь и великий князь с братьями и боярами о кормлениях и о службе всем людям, как им вперед служить». Разве это воинская служба? Далее говорится о том, что «бояре, князья и дети боярские сидели по кормлениям по городам и по волостям для расправы людям и всякого устройства землям», говорится о наместниках и волостных, о злоупотреблениях их, об учреждении в городах и волостях «старостах, соцких, пятидесяцких и десяцких». Все это не воинская служба; только в конце статьи, между другими мирами, говорится, какую воинскую службу служить с какой земли, т. е. ставить вооруженных людей или давать за людей деньги (с. 14–15).

Это безделица, скажут нам. Но такие безделицы, в изложении предмета нередко встречающиеся, мешают чтению,

ибо автор начинает говорить об одном, а продолжает о другом предмете; выписка из летописи или из актов не всегда соответствует тому, о чем он хочет говорить. Так, например, автор говорит (на с. 37) о старостах: «Еще в малолетство Грозного во время боярского правления мы видели новое важное явление в жизни городского и сельского народонаселения: подле наместников, волостных и тиунов их является новая власть, иного происхождения; жители городские и сельские получают от правительства позволение сами, независимо от наместников и волостей, ловить, судить и казнить воров и разбойников, для чего должны ставить себе в головах детей боярских, человека три или четыре в волости, присоединяя к ним старост, десятичных и лучших людей» и т. д. Далее г. автор говорит о губных грамотах, приводит из них отрывки, говорит о просьбе важан, об излюбленных головах, излюбленных старостах; говорит об уставной грамоте устюжской, об уставной грамоте двинской, об отношении дьяков к наместникам, о значении дьяков, потом о городничих, городских приказчиках; говорит о городском народонаселении, об устройстве городов. А потом на с. 47 обращается снова к той же уставной устюжской грамоте, к той же двинской грамоте и опять к излюбленным старостам или судьям, выбираемым сельскими жителями. Вообще же об этом историческом явлении говорит автор весьма кратко и спешно, боясь, кажется, только пропустить что-нибудь и считая достаточным сделать краткие выписки, и таким образом, посред-

ством сухого перечня, очищая свою совесть историка. Это исчисление подряд тех и других явлений доводит г. Соловьева до того, что он, как сказано нами, не разграничивая даже особой строкой, говорит о вещах различных. Так, например, автор на с. 54, поговорив о крестьянах и холопах, начинает особой строкой: «Из инородцев одни платили ясак правительству, другие прежним своим природным владельцам: так в 1580 году дана была жалованная грамота Кадомскому Ишей мурзе на отцовский ясак с тядемской мордвы, что по речке Мокше; ясак состоял в семи рублях с полтиною в год; с этого ясака Ишей мурза обязан был служить государеву службу, кормить сестру и выдать ее замуж. Мы видели, что, если жители городов, т. е. посадов, занимались хлебопашеством, то жители сельские занимались разными ремеслами. Первоначальная промышленность в царствование Иоанна IV распространилась вследствие приобретения новых стран на Востоке и появления незанятых еще там диких пространств». И так далее: о рыболовстве, соколиной охоте, соляной промышленности, и проч. Здесь автор, начав говорить об ясаках инородцев, сказав, что Ишей мурза платил семь рублей с полтиною в год (какое, впрочем, дело истории до этих семи с полтиной?), вдруг продолжает о промышленности. Вот еще пример в том же роде. Приводя знаменитое послание Иоанна IV в Кирилло-Белозерский монастырь и оканчивая его подлинными словами Иоанна: «А мы вам, господа мои и отцы, челом бьем до лица земного», —

г. Соловьев продолжает на той же строке: «В новгородских монастырях и в описываемое нами время продолжало вводиться общее житие по настоянию владык; устроить общее житие означалось на тогдашнем языке выражением: заседать общину» (с. 109). Подобных нечаянных продолжений о другом, когда начато говорить об одном, продолжений даже без всякого перехода, – встречается довольно. Это крайне мешает стройности и ясности исторического изложения и задает новый, совершенно лишний труд читателю.

Второе наше замечание заключается в том, что автор приводит беспрестанно сырые, так сказать, выписки из актов, иногда принаравливая, а иногда и не принаравливая их к современному литературному языку. С одной стороны выписки эти не сопровождаются ни критическим взглядом, ни объяснением, ни даже приведением их во что-нибудь целое; с другой, – так как невозможно же выписать целиком всех актов того времени, – выписки эти неполны. Таким образом, лучше читателю обратиться к самим собраниям актов и других источников времени Иоанна IV, ибо там он может их прочесть во всей полноте. В «Истории России» же г. Соловьева (говорим теперь о рассматриваемой нами главе) видит он большей частью только отрывки из актов и без всякой обработки. Как же не предпочесть собрания полного собрания неполному? В этой 1-й главе VII тома «Истории России» труд историка становится иногда уже трудом не только не исследователя, но даже и не извлекателя, а трудом по-

что что переписчика, вписывающего по выбору, не всегда оправданному, разные отрывки из актов и других источников. Где могли бы еще найти место подобные выписки, так это в примечаниях к «Истории» (что и видим у Карамзина), как оправдательные статьи. Но в том-то и дело, что в «Истории» г. Соловьева (в VII томе) им и оправдывать нечего, ибо из них не извлечено историком почти никакого мнения, не сделано никакого заключения или вывода, а представлены читателю эти выписки так, сырьем; пусть сам читатель думает, что хочет. Таким образом, перед нами является как бы историческая хрестоматия; но хрестоматия может годиться только для детей; да и при хрестоматии все же требуется более системы, нежели сколько мы находим здесь у г. Соловьева. В таком случае, как сказали мы, лучше уже читателю, если он желает потрудиться, самому обратиться к источникам и самому обработать их. Для чего же тогда пишется «История»?

Сказанное нами относится собственно к первой половине VII тома и преимущественно ко многим местам этой первой половины, или 1-й главы, к местам, впрочем, очень важным. Хотя и везде в этой главе исследование почти незаметно, но не везде является до такой степени голое, отрывочное выписывание из источников. А важные вопросы возникают на каждом шагу, но их будто и не видит г. профессор. Сказанное нами мы должны подтвердить примерами.

Г. Соловьев начинает говорить о сторожевой станичной

службе. Это очень любопытная статья. Здесь видим мы, как благоразумно обезопасивало себя государство со стороны степи и кочевых хищников. По этому случаю Иоанн IV велел князю Воротынскому составить устав о станичной службе. Можно бы было ожидать, автор «Истории России» укажет нам на смысл и общую характеристику станичной службы; что он, по крайней мере, сделает нам извлечение из этого устава и обратит, быть может, внимание на совещательный элемент в Московской Руси (не замечаемый им доселе), ибо устав был составлен с общего совета станичного войска. Ничего этого не находим. Г. Соловьев, вместо извлечения, делает просто выписку почти подлинными словами устава. Просим извинения у читателей за длинную и утомительную выписку из истории г. Соловьева; но эта выписка нужна, ибо она ознакомит читателя с тем, каким образом большей частью составлена разбираемая нами глава VII тома. Читатель увидит здесь, как язык автора, сперва несколько удерживаясь, потом прямо переходит в язык источника, о котором идет речь, и автор принимается просто выписывать¹:

«Московское государство XVI века относительно юго-восточной границы своей находилось в таком же положении, как и древняя приднепровская Русь времен св. Владимира: граничило со степью, из которой стремились кочевые хищ-

¹ Считаю долгом указать любознательным читателям на прекрасное сочинение г. Беляева «О сторожевой, станичной и доленой службе на польской Украине». М., 1846.

ники на его опустошение. Уже давно московские сторожи, сторожевые отряды или станицы разъезжали по разным направлениям в степи и стояли в определенных местах, наблюдая за татарами; при Иоанне IV московские сторожи начали сталкиваться с литовскими на Днепре; мы видели, что царь старался показать Сигизмунду-Августу, как выгодно для последнего помогать московским сторожам, а не затевать споров о том, что они становятся на литовской земле. Во второй половине царствования, обративши все внимание на запад, Иоанн тем более должен был хлопотать, чтоб южная граница была защищена, чтоб крымцы не могли явиться у Оки безвестно. С этою целью в январе 1571 года, государь приказал боярину своему, князю Михаилу Ивановичу Воротынскому, ведать станицы и сторожи и всякие свои государевы польские службы. Воротынский говорил государевым словом в разряде дьякам, что ему велел государь ведать и поустроить станицы и сторожи, и велел доискаться станичных прежних списков; в города: Путивль, Тулу, Рязань, Мещеру, в другие украинные города и в Северу велел послать грамоты по детей боярских, по письменных, по станичных голов, и по их товарищей, и по станичных вожей и по сторожей, которые ездят из Путивля, из Тулы, Рязани, Мещеры, из северной страны в станицах на поле к разным урочищам, и которые прежде езжали лет за десять и пятнадцать, велел им всем быть в Москву. Когда они приехали, то государь приказал князю Воро-

тынскому сидеть (заняться)² о станицах, сторожах, и всяких польских службах, станичных головах, станичниках и вожей расспрашивать, и расспрося, расписать подлинно порознь: из которого города, по которым местам и до каких мест пригоже станицам ездить, и в каких местах сторожам на сторожах стоять, и до каких мест на которую сторону от которой сторожи разъездам быть; и в которых местах на поле головам стоять для бережения от приходу воинских людей; и из которых городов и по сколько человек, с которым головою и каким людям на государевой службе быть? Чтоб государю про приход воинских людей быть неизвестно, и воинские люди на государевы украины безвестно не приходили».

«После расспросов князь Воротынский приговорил с детьми боярскими, с станичными головами и станичниками о путивльских, тульских, рязанских и мещерских станицах, и о всех украинских дальних и ближних месячных сторожах и сторожах, из которого города к которому урочищу станичником податнее и прибыльнее ездить, и на которых сторожах и из которых городов и по сколько человек сторожей на которой сторожи ставить. А станичникам бы к своим урочищам ездить, а сторожам на сторожах стоять в тех местах, которые были бы усторожливы, где бы им воинских людей можно было усмотреть. Стоять сторожам на сторожах, с коней не ссаживаясь, попеременно, и ездить по урочищам по-

² Не совсем верно: сидеть непременно предполагает совещание (отсюда беседа), как и теперь тот же смысл заключается в слове: заседать.

переменно же, направо и налево по два человека, по наказам, какие будут даны от воеводы. Станов им не делать, огонь раскладывать не в одном месте, когда нужно будет кому пищу сварить, и тогда огня в одном месте не раскладывать дважды; в котором месте кто полднел, там не ночевать; в лесах не останавливаться, останавливаться в таких местах, где было бы усторожливо. Если станичники или сторожа подстерегут воинских людей, то посылают своих товарищей с этими вестями в ближайшие украинские города, а сами позади неприятеля едут на сакмы (дороги) по сакмам и по станам людей смечать³, и поездив по сакмам и сметив людей, с теми вестями в другой раз отсылают товарищей в те же города; новые посланные едут направо или налево, которыми дорогами поближе, чтоб в украинские города весть была раньше, не перед самым приходом неприятеля; а самим им ехать за неприятелем сакмою, а где и не сакмою, как пригоже, покинув сакму направо или налево, ездить бережно и усторожливо, и того беречь накрепко: на которые украины воинские люди пойдут, и им про то разведавши верно, самим с вестями подлинными спешить к тем городам, на которые неприятель пойдет. Если станичники завидят воинских людей на дальних урочищах, то им посылать посылки по три или по четыре, или сколько будет пригоже, посмотри по людям и по

³ Да разве можно сличать людей, т. е. число людей – по дорогам? Сакма значит не дорога, а след, и собственно легкий след, оставляемый на траве, конный или пеший; тогда выражение: смечать по сакмам, получает полный смысл.

делу, от которых мест пригоже, а не от одного места, чтоб проведав подлинно про неприятеля, на какие места он идет, самим с подлинными вестями спешить наскоро в те города, на которые пойдет неприятель. А не быв на сакме и не сме-тив людей и не дождавшись допряма, на которые места воин-ские люди пойдут, станичникам и сторожам, не дождавшись на сторожах себе перемены, с сторож не съезжать. А кото-рые сторожи, не дождавшись смены, с сторожи сойдут, и в то время государевым украинам от воинских людей учинится война: тем сторожам от государя быть казненным смертью. Которые сторожи на сторожах лишние дни за сроком пере-стоят, а их товарищи на смену в те дни к ним не приедут, то брать первым на последних по полуполтине на человека на день. Если воеводы или головы пошлют кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищах и на сторожах, и посланные найдут, что они стоят не бережно и не усторож-ливо и до урочищ не доезжают, то хотя бы приходу воинских людей и не ждали, тех станичников и сторожей за то бить кнутом. Воеводам и головам смотреть накрепко, чтоб у сто-рожей лошади были добрые, и ездили бы на сторожи о двух конях, чтоб можно было, увидавши неприятеля, уехать. У кого из станичников и сторожей лошади будут худы, а слу-чится посылка скорая, и под тех сторожей велеть доправить лошадей на их головах; а если надобно вскоре и доправить некогда, то воеводам велеть брать лошадей добрых у их го-лов, а не будет у голов столько лошадей, то воеводам брать по

оценке лошадей добрых у полчан своих, а на головах брать найму на всякую лошадь по 4 алтына с деньгою на день и отдавать деньги тем людям, у которых взяты лошади».

Ездить станицам из Путивля или из Рыльска: первой станице ехать на поле с весны 1-го апреля, второй 15-го, третьей 1-го мая, четвертой 15-го и т. д., восьмой станице ехать 15-го июля; потом в другой раз первой станице ехать 1-го августа и т. д.; последний выезд 15-го ноября. Если же надо будет еще ездить станицам, снега не нападут (снеги не укинут), то станичников посылать и позднее 15-го ноября по расчету; посылать по две станицы на месяц, меж станицы пропуская по две недели со днем.

И так далее в том же роде. Читатель видит сам, что такие выписки годятся разве в примечания, и что это уже вовсе не история, а выписыванье исторического акта без разбору и без критики. И в таком-то роде встречаются выписки беспрестанно. Так, на с. 15, автор говорит:

«В 1550 году государь приговорил с боярами: раздать поместья в Московском уезде, да в половине Дмитрова, в Рузе, Звенигороде, в Числяках, Ордынцах, в перевесных деревнях и Тетеревичах, и в оброчных деревнях, от Москвы верст за 60 и за 70, детям боярским, лучшим слугам, 1000 человек; а которым боярам и окольниковым быть готовыми на посылки, а поместий и вотчин в московском уезде у них нет, таким боярам и окольниковым дать поместья в московском уезде по 200 четвертей; детям боярским в первой статье дать поместья по

200 же четвертей, другой статьи детям боярским дать по 150 четвертей, третьей статьи по 100 четвертей; сена давать им по стольку же копен, насколько кому дано четвертной пашни, кроме крестьянского сена, а крестьянам давать сена на выть по 30 копен. Который из той тысячи вымрет, а сын его к службе не пригодится, то на его место прибрать другого. А за которыми боярами и детьми боярскими вотчины в Московском уезде или в другом городе близко от Москвы, верст за 50 или за 60, тем поместья не давать. Между лицами, назначенными к наделению, упоминаются псковские помещики городовые, псковские помещики дворовые, торопецкие помещики дворовые, лучане дворяне, луцкие помещики городовые».

Так, говоря о таможенных грамотах, автор говорит между прочим:

«В таможенной грамоте, данной в 1563 году, в принадлежавшее Симонову монастырю село Весьегонское, в Городецком стану бежецкого верха, с иногородных купцов московских, тверских, новгородских и псковских велено брать также с рубля по четыре деньги; с людей своего уезда – с рубля по полторы деньги: если торговые люди приедут рекою Мологою в судах, то с товару тамга берется с них по таможенной грамоте, а с судна брать с полубленного и с неполубленного, с набои, прикольного и новодцевого – по алтыну, а с струга по три деньги. Если же приедет в село Весьегонск или казанец, или какой-нибудь другой иноземец, то

у них брать с рубля по семи денег. Тамга и все таможенные пошлины (то есть, пятно, померное и проч.), в селе Веси отдавать на откуп бежичанам, городецким посадским людям и сельским крестьянам; но в 1563 году Симонов монастырь, жалуясь, что от этого его людям и крестьянам чинятся обиды и продажи великие, выпросил откуп себе, обязавшись платить ежегодно по 38 рублей в прок, без наддачи».

Что это такое, как не сырой материал, без всякой обработки? Что останется в голове у читателя после выписки этой грамоты? Какое заключение выведено из представленной выписки? Сверх того некоторые выражения при выписке, не обозначенной как выписка, требовали бы изменения, а то они невольно останавливают среди современного литературного языка, например, *с набои* (с набоями); некоторые же выражения требовали бы объяснения; например, это же слово: *набои*; также *прикольное, новодцевое*. Вероятно, немногие из читателей знают значение этих слов. Грамота эта чрезвычайно интересна в другом отношении, именно в отношении к значению и к действиям вотчинных крестьян. Положим, г. Соловьев пользуется ею только как таможенною; но и здесь, выхватив из грамоты несколько главных положений, он не дает никакого понятия о таможенной системе; грамота же как материал для этого предмета, не приводится г. Соловьевым в своей полноте. Даже и выписано не полно: г. Соловьев говорит, что с иногородних купцов берут тамги с рубля по 4 деньги, но в грамоте прибавлено: «да с воза с товарного

(у тех же купцов) имати таможником по две деньги»⁴.

Точно таким же образом, на с. 83, сказав о первом архиепископе Казанском и Свияжском, о его приезде в Казань, автор продолжает: «В наказе, данном Гурию, говорится»... и начинается выписка, не требующая почти никакого труда, кроме механического; так например, главный вопрос здесь должен быть: отношение нового архиепископа к татарам и туземцам, также к наместнику и воеводам; а в выписке кроме того говорится: «Держать архиепископу у себя во дворе береженье великое от огня, поварни и хлебни поделать в земле; меду и пива в городе у себя на погребе не держать, держать на погребе у себя квас, а вино, мед и пиво держать за городом у себя на погребе» (с. 84).

Точно так же на странице 99 после слов: «О церковном суде Собор постановил», идет выписка, оканчивающаяся, впрочем, не церковным судом, а словами о пошлинах: «Святительскую дань, десятильничьи пошрины, корме, заезде вечную пошрину должны собирать и доставлять владыке старосты земские и поповские и десяцкие священники, по книгам, которые пошлет им владыка; вечной пошрины собирать с первого брака алтын, со второго два, с третьего три (четыре)» (с. 101).

На с. 115 автор говорит: «От описываемого времени дошло до нас несколько уставных грамот, которые давали монастыри своим крестьянам», и вслед за этим идут выписки

⁴ Акты архивные. Т. I, с. 205.

из двух грамот, где целиком, где сокращенно, но также без критики. Продолжая выписку из первой грамоты, автор говорит: «Крестьянам вольно дворами и землями меняться и продавать их, доложу приказчика; а кто свой жребий продаст или променяет, приказчику брать явки с обеих половин полполтины на монастырь, кто продает свой жребий, а сам пойдет за волость, на том брать похоромное сполна, а с купца брать подрядное, смотря по земле и по угодию; кому не поживется, и захочет пойти из волости вон, а купца на его жребий не будет, на том брать похоромное сполна, а его выпускать по сроку» (с. 117). Эти чрезвычайно важные строки могли бы, кажется, возбудить хоть какую-нибудь оценку или объяснение со стороны г. историка, тем более, что глава, в которой они встречаются, называется главою о внутреннем состоянии русского общества во времена Иоанна IV. Но автор выписывает, и только.

Мы довольно, кажется, привели примеров, каким образом автор излагает дело, как он местами, совершенно отрешаясь от критики, увлекается механическим трудом выписыванья, так что иногда выписывает то, что к делу не подходит. Кто будет читать VII том истории г. Соловьева, тот найдет и более примеров. Можно себе представить, сколько такого рода невоздержанности в выписках встречается там, где г. Соловьев говорит о «Судебнике» и «Стоглаве».

О слоге надобно сказать, что в этой главе часто и вовсе нет слога самого автора; ибо слог иногда служит ему толь-

ко принаровлением подлинных слов грамоты к современной речи, иногда и вовсе отсутствует, уступая место подлинным словам грамот. Тем не менее слог автора там, где он является в этой главе, почти везде бесцветен, а иногда даже неясен и неправилен; например: «Вообще монастырям было выгодно освобождать духовенство в принадлежавших им селах от архиерейских пошлинников обязательством самим доставлять владыке следующие ему доходы» (с. 113). Также, например, «относительно большей стройности, большему изяществу и спокойствие речи Курбского содействовало еще то, что он был способнее сохранять спокойствие, не был так раздражителен, и страстен, не был так испорчен в молодости, как Грозный» (с. 206). Или же: «Узнавши, что этот Тучков издетства навыв Св. Писанию, Макарий начал благословлять его на духовное дело, чтоб написал житие Михаила Клопского» (с. 235).

Теперь, указав на общие недостатки самого изложения, самого обращения с историей в этой главе, мы перейдем к замечаниям другого рода.

Такая невнимательность к предмету, такое отсутствие критики, такое внешнее отношение к памятникам, выражающееся почти везде в парафразе и даже в выписыванье древних актов, повело к тому, что многие важные вопросы, которых касаются даже приведенные выписки, остались нетронуты г. автором. Мы не говорим уже о тех вопросах, которые затронуты, но не разобраны. Так, очень важный вопрос

о поземельном владении крестьян, об отношении их к их помещикам и вотчинникам, не тронут совершенно: между тем, выписывая строки, до сего касающиеся (с. 115–120), должен был бы, кажется, автор, если не решить, то хотя постановить этот вопрос. Поставить вопрос, указать на главные исторические задачи – это также заслуга. Так, говоря в выписках об обыске (с. 152–157), г. автор не обратил внимания на важное его юридическое значение; при этом не худо было бы ему припомнить исследования А. Н. Попова, в которых он очень верно определяет важность обыска и замечает, что от него при известных случаях, зависело дать процессу или уголовный или гражданский ход. А в выписках г. Соловьева именно являются такого рода случаи, где совершенно подтверждается эта мысль. Такое значение обыска показывает, какую важность придавала древняя Русь народному или общественному мнению. На каждом шагу встречаются вопросы, на каждом шагу чувствуется потребность в объяснении, в разработке. Верны или неверны объяснения, но важно то, если они делаются, если, даже и неудачные, попытка облегчает трудность задачи, если становятся, уясняются вопросы. И ничего этого не видим у г. Соловьева. Так, автор проходит без всякого объяснения мимо характеристического, по его же словам, явления древней Руси, отделяясь от него следующими словами:

«Одним из характеристических явлений древнего русского общества были юродивые, которые, пользуясь глубо-

ким уважением правительства и народа, пользовались этим уважением для того, чтоб во имя религии обличать нравственные беспорядки. В описываемое время знамениты были юродивые: в Пскове – Николай, в Москве – Василий (Блаженный или Нагой), Иоанн (Большой Колпак)» (с. 186–187).

Вот и все «об одном из характеристических явлений древнего русского общества»!

Но, проходя мимо таких важных явлений древней русской жизни, г. Соловьев очень серьезно замечает, как особенность той эпохи, что люди, находившиеся при посольстве, могли разболтать то, чего не следовало. Г. Соловьев говорит:

«Люди, отправлявшиеся с русскими послами, иногда не понимали главной своей обязанности – быть молчаливыми; так царь писал Наумову, бывшему послом в Крыму: „Ты своих ребят отпустил в Москву, и они, дорогою идучи, все вести рассказали“ и др.» (с. 175).

Эта черта, характеризующая Россию XVI столетья! Невольно вспомнишь статью г. Г. в «Русской Беседе» «О механических способах в исследовании истории».

Теперь обратим внимание на некоторые мнения автора, которые высказываются в этой главе.

Г. Соловьев говорит на странице 121-й: «Естественно, что при отсутствии просвещения, младенчеству мысль старинных наших грамотеев обращалась не к духу, а к плоти, ко внешнему, более доступному, входившему в ежедневный обиход человеческой жизни». Далее автор указывает,

что древних русских людей занимали вопросы о том, какую пищу употреблять в известные праздники и т. п. Итак, обвинение на древнюю Русь произнесено. Теперь указываем на поспешность этого обвинения и на противоречие автора с самим собою. Сам г. Соловьев, сделав по необходимости оговорку, что встречаются мнения о предметах религиозных, более важных, упоминает о мнениях Матвея Башкина и Артемия. Заблуждения этих людей по своему содержанию опровергают приговор, произнесенный г. Соловьевым над древнею Русью, ибо заблуждения эти касаются существенных высших вопросов, самых догматов веры. Г. Соловьев сам приводит, в чем именно обвиняются Матвей Башкин и Артемий. Они обвиняются в том, что не признают Иисуса Христа равным Богу Отцу, что Тело и Кровь Христову считают простым хлебом и вином, что Святую Соборную Апостольскую церковь отрицают, говоря, что собрание верных только церковь, а эти созданные ничто⁵; что изобра-

⁵ Г. Соловьев не объяснил, что надобно здесь разумеать под соборной церковью; едва ли не просто храм, самое здание! Ибо мы знаем, что Успенский собор, например, называется Святой Соборной Апостольской церковью. Из смысла приводимого выражения надобно, кажется, тоже разумеать здесь церковь внешнюю, здание; впрочем, очень может быть, согласно с духом учета Матвея Башкина и Артемия, что здесь с представлением внешней церкви, как здания, соединилось понятие о церкви иерархической, как собрание епископов, властей духовных. Но с другой стороны, как же после этого Матвей Башкин был сыном духовным священника Симеона? Впрочем, по его словам, он и изображения святых на иконах чтит, Собором же обвиняется он в противном. Это уже касается вопроса справедливости обвинения, в рассматривание которого мы не вдаемся.

жения Христа, Богоматери и всех святых называют идолами; что покаяние ни во что полагают, говоря: как перестанет грешить, то и нет ему греха, хотя и у священника не покается; что отеческие предания, жития святых, да и все Священное Писание называют баснословием. Надеемся, что все это вопросы (справедливо или несправедливо были обвинены Башкин и Артемий) вовсе не «плоти», а «духа», и что выражение, столь ясное нерешительное, г. Соловьева: «младенчествующая мысль наших грамотеев обращалась не к духу, а к плоти», опровергается через несколько строк, приводимыми им же самим образцами религиозных сомнений. Кроме Башкина и Артемия (у которых были и единомышленники), Феодосии Косой и Игнатий, бежавшие в Москву, проповедовали такое же учение, что Божество не троично, что Христос простой человек, что все внешнее устройство церковное не нужно. Быть может, скажут нам, что все это частные явления, что все это отдельные личности, а что большинство было глухо к существенным духовным вопросам веры. Но и отдельные личности являются результатом общества. Сверх того на это мы скажем, что незадолго перед Иоанном IV была ересь жидовская, которая тоже основывалась на превратном понимании духовных вопросов, а эта ересь была сильно распространена и в духовенстве и в народе, и сам великий князь Иоанн III в ней подозревался. Еще более древняя ересь стригольников тоже возбуждена была вопросом нравственным. Кажется, это достаточно опровергает строгий приговор

над древней Русью, произнесенный историком.

С удивительным постоянством, достойным лучшей цели и участи, стоит г. Соловьев за любимую им идею родового быта. Так, говорит он на странице 161-й: «В новом Судебнике находим постановления о праве выкупа вотчин, которое, по всем вероятностям, возникло из простой родовой связи, из общего родового владения поземельной собственности». Но увы! Не то говорит история. Ведь право выкупа соединено с правом наследства, а г. Соловьев должен знать, что кроме родных детей право наследства боковых родственников на вотчину, а отсюда и их право выкупа, явилось в позднейшие времена, как в Польше, так и у нас, и было введено правительством. В древнее же время этого права не существовало, и имение бездетного считалось выморочным. А ведь по мнению г. Соловьева, родовое устройство принадлежит самым древним временам племен славянских. Как же это согласить?⁶

Г. Соловьев, говоря о духовных завещаниях, приводит, что если жена, умирая, назначит мужа приказчиком, то духовной не верить, «потому что жена в мужней воле; что велит ей написать, то и напишет». Нетрудно догадаться, какие выводы делает г. Соловьев из этих слов; он говорит, что это выражение ясно указывает на положение жены в описываемое время. Что за дело нашим историкам, что другие сви-

⁶ Для подробнейшего объяснения этого вопроса см. во II томе «Московского сборника» статью мою «О древнем быте славян».

детельства противоречат этой фразе; им дорога эта фраза. Они, пожалуй, выведут из нее и то, что в древней Руси жена не имела в своих действиях свободной воли и что, следовательно, сама она не могла иметь и нравственной ответственности. Но опять сам же автор приводит указ, по которому, очевидно, предосторожность относительно зависимости жены от мужа распространяется и на другие родственные отношения: детей, братьев, сестер, племянниц. Итак, вышеприведенную фразу приходится распространять, и едва ли можно будет удержать за нею тот смысл, который угодно придавать ей почтенному автору. Эта фраза высказывает ту возможность злоупотребления силы, какая везде, всегда и во всякую пору, может быть со стороны мужа относительно жены, – и только.

Г. Соловьев на с. 163 говорит: «Из разных юридических грамот, отступных, дельных, отказных, видим общее родовое владение и разделы родичей, как видно двоюродных и троюродных братьев, видим раздел неполный». Как же это общее родовое владение и в то же время раздел? Г. Соловьев ничем более не объясняет своих слов, и мы вправе оставить это проявление убеждения в родовом быте без дальнейшего возражения.

Говоря о «Домострое», г. Соловьев делает определение Сильвестра, определение, которое кажется нам весьма верным и удачным. Сделаем несколько выписок. Сказав о получении Сильвестра сыну, автор говорит:

«В этом наставлении, в этом указании на свой образ мыслей и жизни, Сильвестр обнаруживается перед нами вполне. Мы понимаем то впечатление, какое должен был производить на современников подобный человек: благочестивый, трезвый, кроткий, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господин, любивший устраивать судьбу своих домашних, человек, с которым каждому было приятно и выгодно иметь дело – вот Сильвестр» (с. 227).

Следующие две выписки дополняют и объясняют сейчас приведенное нами место:

«Несмотря на то, что наставление Сильвестра сыну носит, по-видимому, религиозный характер, нельзя не заметить, что цель его – научить житейской мудрости: кротость, терпение и другие христианские добродетели предписываются как средства для приобретения выгод житейских, для приобретения людской благосклонности, предписывается доброе дело, и сейчас же выставляется на вид материальная польза от него» (с. 228).

«Что смешение чистого с нечистым, смешение правил мудрости небесной с правилами мудрости житейской мало приносит и житейской пользы человеку, видно всего лучше из примера Сильвестра; он говорит сыну: „Подражай мне! Смотри, как я от всех почитаем, всеми любим, потому что всем уноровил“. Но под конец вышло, что не всем уноровил, ибо всем уноровить дело невозможное; истинная мудрость велит работать одному господину» (с. 229).

Повторяем, что мы совершенно согласны с г. Соловьевым относительно характеристики Сильвестра, прекрасно им начертанной. Прибавим к тому, что Сильвестр не был таким человеком только на деле, но и в сознании; это было его убеждение, его взгляд. Мало того, он хотел передать свой взгляд и другим; он составил себе целое учение, которому и учит. При таких условиях, можно ли *наставления* Сильвестра, в которых он учит, каким *должно быть* людям в жизни, — принимать за изображение того, какими люди *были* в жизни? Ведь не думаем же мы, чтобы все современники Сильвестра были Сильвестры. А Сильвестр именно желает, чтобы другие люди походили на него, учит их быть такими, как он, или такими, какими, по его убежденно, они должны быть. Значит ли, что люди тогдашнего времени на деле были такими? Конечно, нет. Сильвестр же в то время был вовсе не похож на других людей, был весьма своеобразен. Итак, именно поучения Сильвестра должны приниматься не как изображение нравов тогдашнего времени, но как личные идеалы самого Сильвестра или (что сказали мы в нашей критике на VI том «Истории России») как его *ria desideria*. К тому же надобно прибавить, что духовенство древней России, столь много оказавшее ей услуг, столь тесно связанное с нею с одной стороны, с другой стороны отделялось тогда от народа риторикой, охотою формулировать, своего рода схоластикой, и отчасти византийским воззрением, так что иногда в сочинениях духовенства нельзя узнать ни мысли, ни речи народ-

ной; а потому и сочинение духовного лица древних времен не может быть принимаемо за отражение ни действительности народной, ни народного идеала.

Вот почему странно нам читать у г. Соловьева восклицание, противоречащее, по нашему мнению, его собственному взгляду на Сильвестра как на личность, выдающуюся из других, со своеобразным взглядом на вещи, как на человека, желающего учить других и сделать их похожими на себя. Приводя мнение Сильвестра о том, какова *должна быть* жизнь домашняя, г. историк совершенно неожиданно восклицает: «Вот идеал семейной жизни, как он был создан древним русским обществом!» (с. 232). Такое восклицание совершенно неуместно и непоследовательно, равно как и следующие за ним строки, развивающие ту же мысль.

Г. Соловьев указывает, что иные из вельмож не знали грамоты. Но в XVI веке тому примеров не менее, кажется, можно найти и в Западной Европе. В противоположность тому, мы можем сказать, что выборное устройство, проникавшее всю Русь, без сомнения способствовало распространению грамотности в простом народе, ибо очень часто требовались выборы за руками, при которых встречаются и собственноручные крестьянские подписи.

В заключение мы должны сказать о первой половине VII тома «Истории России», что это даже не исследование, как назвали мы VI том «Истории России», даже не извлечение, а отрывочные, не подвергнутые критике выписки из ак-

тов, поражающие нас, с одной стороны, своей неполнотой, а с другой – ненужной подробностью; ибо увлекается выпиской автор и выписывает тогда подряд и нужное и ненужное, пока не остановится, не бросит одну, и не начнет другую выписку.

Переходим теперь ко второй половине VII тома, заключающей в себе царствование Федора Иоанновича.

Все царствование Федора разделяет г. Соловьев на четыре главы: Глава II. Царствование Федора Иоанновича, усиление Бориса Годунова и торжество его над всеми соперниками. Глава III. Внешние сношения и войны в царствование Федора Иоанновича. Глава IV. Дела внутренние в царствование Федора Иоанновича. Глава V. Пресечение Рюриковой династии.

Из одного уже названия глав, из одного расположения, видно, как изображает г. автор историю царствования Федора Иоанновича. Видно, что она разрывается на отдельные монографии; события рассказываются не в совокупной связи, как должна рассказывать история, но отрешенные друг от друга, подобранные друг к другу по своей однородности, так, как делает это монография или отдельное историческое исследование. В этом отношении о VII томе мы должны повторить то же, что говорили о VI томе или еще сильнее; ибо здесь разобщенность событий, отсутствие жизненного между ними единства и хронологического преемства, столь необходимого в истории, – еще заметнее, чем в VI томе. Во II главе (всего 14 страниц) рассказывается отдельно взятая

борьба Годунова с враждебными ему боярами и митрополитом Дионисием, говорится о могуществе, до которого достиг Борис, и описывается наружность Федора и Бориса. В главе III автор начинает сперва говорить о сношениях Польши с Россией и доводит свой рассказ до избрания Сигизмунда на польский престол (1587 г.). Потом переходит он, возвращаясь назад, к Швеции и рассказывает о наших с ней сношениях, между прочим и о войне с Швецией, рассказывает и о вмешательстве Польши в эти сношения и доводит свой рассказ до 1595 года. Здесь, впрочем, автор опять говорит несколько о сношениях наших с Польшей, как бы уступая на сей раз исторической последовательной современности событий. Сказав об отношениях со Швецией, автор обращается опять к началу царствования Федора (11 лет назад), начинает рассказывать об отношениях наших с Австрией и доводит опять свое изложение до 1597 года, причем говорит и о послах папы в Россию. Потом опять г. Соловьев возвращается к началу царствования Федора, начинает говорить о сношениях России с Англией и доводит их до 1588 года. После того он переходит к Крыму и начинает говорить об отношениях его к России; здесь рассказано и нашествие хана Крымского на Москву в 1591 году. Рассказ свой доводит автор до 1593 года, говоря тут же о запорожских, терских и донских казаках. Речь дошла до Турции; о Турции опять автор начинает говорить с 1584 года и доводит свой рассказ до 1594 г. Он говорит здесь опять о казаках и о сношениях наших с

Грузией и Персией. Потом автор говорит о Сибири; снова начинает рассказ свой с 1583 года и доводит до 1597 года.

Этим рассказом оканчивается III глава. Глава IV о делах внутренних совершенно составлена в том же роде, как уже разобранный нами глава I этого же тома «о внутреннем состоянии русского общества», которая могла бы, в свою очередь, быть названа главой «о делах внутренних». В главе IV говорится об администрации, о пошлинах, о воинской службе, о местничестве с такого же рода иногда подробностями, как и в первой. Г. Соловьев говорит в этой же главе о прикреплении крестьян и крайне неполно без всякого критического исследования потом говорит о делах церковных, о патриаршестве, о монастырях и несколько о нравах, обычаях народных и художествах. В главе V о прекращении Рюриковой династии г. Соловьев рассказывает отдельно кончину Дмитрия, бывшую в 1591 году, говорит о рождении у Федора дочери Феодосии и, наконец, о смерти Федора в 1598 году.

Из представленного изложения, кажется, очевидно, что здесь нет истории, как связного или последовательного изложения событий: это несколько статей о царствовании Федора. Вся эпоха разорвана на части и так представлена читателю. Мы согласны, что автору так легче; но так гораздо труднее для читателя, и всего невыгоднее для самой истории. Оставив в стороне требование истории от книги г. Соловьева, мы можем требовать, чтобы она была удовлетворительна и в том виде, в каком она является. Но что же такое VII том

«Истории России»? Не есть ли он исследование, как называли мы VI том? Нет, мы не можем сказать и этого. О первой главе VII тома мы выразили наше мнение; то же самое является в следующих главах, разве только не с такой яркостью, то есть выписок не так много, и они не столь подробны, так что рассказ принимает по временам вид – не одного собрания выписок из актов, не подверженных критике, но исторической статьи, весьма легко написанной.

В этих последующих главах, как сказали мы, находятся те же недостатки, как и в первой. Так, например, на с. 413–414, начавши об одном, автор переходит к другому; он говорит: «Кроме приведенных указов о крестьянах и холопах времен Федора до нас не дошло других дополнений к „Судебнику“. Относительно заведывания судом любопытно известие разрядных книг под 1588 годом. Царь велел отставить Меркурия Щербатова от славной рати и послал его в Тверь судьей. Дошла до нас от описываемого времени любопытная челобитная царю старцев Иосифова монастыря по поводу спора о земле между их крестьянами и крестьянами боярина Ивана Васильевича Годунова». Далее приводится грамота без объяснений, почему автор считает ее любопытной. Выписки и ненужные подробности мы также встречаем, хотя в меньшем количестве, сам рассказ сжатее; например: «В царствование Федора торговля производилась с Польшей; московские купцы ездили в Варшаву и Познань; но по-прежнему встречаем сильные жалобы купцов на при-

теснения, обманы и разбои. Торопецкий купец Рубцов ездил торговать в Витебск; исторговавшись, поехал назад на Велиж, и здесь его ротмистр Дробовский прибил, взял два челна ржи, а в них 35 четвертей, куплена четверть по 20 алтын с гривною, до 10 литр золота и серебра, ценою по 5 рублей литр, до 25 литр шелку разных цветов, по 40 алтын литра, да постав сукна лазоревого, в 14 рублей, да двум челнам цена 5 рублей с полтиною» (с. 380–381). Слог также в иных местах неясен, неправилен; как например: «Зборовский с приятелями подняли громкие голоса против Батория: *нарекали на могущество Замойского*» (стр. 263). Слово «нарекаше» у нас употребляется, но выражение: *нарекали на могущество* весьма неудачно и неправильно и неточно; можно, пожалуй, понять совершенно в другом смысле, то есть нарекали Замойского на могущество (хотя это было бы тоже неправильное выражение). Или например: «Летописец говорит, что Борис Годунов, мстя за приход на Богдана Вельского, дворян Ляпуновых, Кикиных и других детей боярских, также многих посадских людей, велел схватить и разослать по городам и темницам» (с. 251). Выражение это неясно. Сверх того, в пример весьма сбивчивого изложения, можем привести одно место, где говорится об управлении государственным. Вот оно:

«Относительно управления, все государство разделялось на четыре части, называемого четвертями или четями: первая посольская, находившаяся в ведении думного дьяка Ан-

дворян Щелкалова, получавшего 100 рублей жалованья; вторая разрядная, в ведении Василия Щелкалова, за которого управлял Сапун Абрамов; жалованье и здесь было тоже 100 рублей; третья четъ поместная, в ведении думного дьяка Елизара Вылуз-гина, получавшего 500 рублей жалованья, четвертая казанского дворца, в ведении думного дьяка (Д) дружины Пантелеева, человека замечательного по уму и расторопности; он получал 150 рублей в год. В царских грамотах четверти называются по имени дьяков, ими управлявших; например: „четверть дьяка нашего Василия Щелкалова“. В других же приказах сидели бояре и окольнічие: так в 1577 году царь приказал сидеть в разбойном приказе боярину князю Куракину и окольнічему князю Лобанову. При областных правителях находились по-прежнему дьяки, помощники или, лучше сказать, руководители их, потому что эти дьяки заведовали всеми делами. Областные правители обыкновенно сменялись через год, за исключением некоторых, пользующихся особенным благоволением: для них срок продолжался еще на год или на два; они получали жалованья по 100, по 50, по 30 рублей; народ, по свидетельству Флетчера, ненавидел их за взятки; и русский летописец говорит, что Годунов, несмотря на доброе желание свое, не мог истребить лихоимства; правители областей брали взятки и потому еще, что должны были делиться с начальниками четей или приказов. В четыре самые важные пограничные города назначались правителями люди знатные, по два в каждый го-

род, один (одно) из приближенных к царю лиц. Эти четыре города: Смоленск, Псков, Новгород, Казань. Обязанностей у правителей этих городов было больше, чем у других, и им давалась исполнительная власть в делах уголовных. Их также сменяют каждый год, исключая особенные случаи; жалованья получают они от 400 до 700 рублей».

«Дворцовый приказ или приказ Большого дворца, управлявши царскими вотчинами, находился при Федоре в заведывании дворецкого Григория Васильевича Годунова, отличавшегося бережливостью: при Иоане IV продажа излишка податей, доставляемых натурою, приносила приказу не более 60 тыс. рублей ежегодно, а при Федоре до 230 тыс.; Иоанн жил роскошнее и более по-царски, чем сын его. Четверти собирали тягла, и подати с остальных земель до 400 тыс. рублей в год» и проч. (с. 376–377). Здесь из слов автора читатель сперва узнает, что все государство относительно управления разделялось на четыре части, называемые четвертями или четями. Эти четверти перечисляются, говорится, что они управлялись дьяками, и потом говорится: *«а в других же приказах сидели бояре и окольнічие»*. *В других же приказах?* Следовательно, четверти – тоже приказы? (Если же это так, то стало быть, государство делилось не на четыре части.) Еще ниже автор прямо говорит: *«четей или приказов!»* Итак, приказы и четверти – одно. Каким же образом сказал автор, что четвертей было четыре, когда кроме поименованных четырех еще упоминает он о двух прика-

зах (или четьях): о разбойном приказе, о дворцовом приказе? Странное противоречие с собственными словами!

Теперь обратимся к самим мнениям автора и поговорим о них.

Во время царствования Федора произошло одно из важнейших явлений в общественной жизни допетровской России – прикрепление крестьян к земле. В «Истории России» г. Соловьева это столь важное явление далеко не объяснено, точно так же, как далеко не объяснен быт вотчинных и помещичьих крестьян, отношение их к владельцам, к государству, к другим крестьянам, до укрепления и после укрепления, да и вообще быт крестьянства не объяснен. Не естественно ли было ожидать от нашего историка, что он займется этим предметом, и говоря об укреплении крестьян, определить нам те отношения, в каких находились они к другим крестьянам, к другим сословиям государства, к помещику или вотчиннику и вообще к государству? Если определить эти отношения довольно трудно, то хотя бы г. автор высказал свои предположения, хотя бы постановил вопросы, и это была бы заслуга, и за это были бы мы ему благодарны. Но ничего этого нет; этому вопросу посвятил автор всего шесть страниц. И здесь в словах автора, столь мало касающихся сущности дела, мы находим важную ошибку. Г. Соловьев говорит: «В московском государстве в описываемое время не было земледельцев-землевладельцев; землевладельцами были: во-первых, государство, во-вторых, церковь, в-третьих,

служилые люди-отчинники» (с. 396). Мы скажем г. профессору, что кроме поименованных землевладельцев землевладельцем могла быть отдельная крестьянская община. Удивительно то, что сам г. Соловьев, не замечая этого, приводит тому пример, а именно: «Видим, что целые общины приобретали земли: так, в 1583 году Никита Строганов отдал свою деревню в волость, в слободку Давыдову, старостам и целовальникам и всем крестьянам» (с. 163). Кажется, ясно. Но кроме этого примера можно привести и другие. Например, уставная важская грамота 1552 года обращается к важанам и шенкурцам и Вельского стану посадским людям и всего Важского уезда становым и волостным крестьянам; в этой грамоте между прочим говорится: «а на пустые им места дворовые, в Шенкурье и в Вельске на посаде и в станах и в волостях, в пустые деревни и на пустоши и на старые селища, крестьян называть и старых им своих тяглецов крестьян из-за монастырей выводить назад бессрочно и беспошлинно, и сажать их по старым деревням, где кто в которой деревне жил прежде того»⁷. Здесь целая область является землевладельцем. Не распространяемся более о состоянии крестьян до укрепления, и также о самом укреплении; мысли наши об этом деле надеемся мы предложить в особом исследовании. Говоря о прекращении Рюриковой династии и о насильственной смерти Дмитрия царевича, г. Соловьев приводит рассказ об этом летописцев и потом рассматривает

⁷ Акты архивные. Т. I, с. 238.

следственное дело. Г. Соловьев признает рассказ летописцев справедливым; но, как нам кажется, он несколько пристрастно разбирает оба исторические свидетельства. Мы намерены представить свои соображения об этом деле. Г. Погодин в своем прекрасном исследовании «об участии Годунова в убиении царевича Дмитрия» давно еще высказал свое мнение, что Борис не был участником в этом злодействе; но тем не менее он не изъявляет прямо сомнения в том, что царевич был убит, и только из некоторых слов почтенного ученого можно заключать, что он не убежден в этом.

Наши соображения иного рода.

Изложив летописное сказание, г. Соловьев говорит: «В этом рассказе мы не встречаем ни одной черты, которая бы заставила заподозрить его» (с. 424). Мы же напротив встречаем прежде всего положительную неверность в этом рассказе. В нем говорится, что угличане показали об убиении царевича, что Нагих пытали в Москве, и они с пытки говорили, что царевич убит. Между тем в следственном деле собраны многие показания угличан большей частью в пользу того, что царевич убился сам. Наконец, в следственном деле видно, что только один Михайло Нагой не в Москве, а в Угличе показал, что царевич убит; а другие два его брата показали, что царевич убился сам. Мы не можем предполагать, чтобы в следственном деле все это было выдуманно, во-первых, потому что тогда уж лучше было выдумать и на Михаила Нагого, а во-вторых, потому что в следственном

деле выдумывать ложные показания трудно, особенно когда они скреплены подписями. Такой наглый подлог едва ли возможно предположить. Кроме этой, по нашему мнению, несомненной неверности летописного рассказа есть другие обстоятельства, им повествуемые, которые допустить трудно. В летописном рассказе говорится, что сперва пробовали отравить, давали яд в пище и ястве, но понапрасну. Можно ли допустить это? Отчего не действовал яд? Нельзя же предполагать вместе с Карамзиным, что, может быть, дрожащая рука злодеев бережно сыпала отраву, уменьшая меру ее. Можно ли думать, чтобы злодеи, имея на своей стороне мамку царевича, не нашли случая отравить его? Это весьма сомнительно. Наконец, рассказываемые летописцем все предварительные, неосторожные, неудачные совещания Бориса об убийстве царевича также не внушают доверия. Подробности рассказа заставляют предполагать г. Соловьева, что рассказ не выдумка. Но такие же подробности или еще более встречаемы в следственном деле, говорящие в пользу другого мнения о смерти царевича. Убеждение же народное, заметим кстати, как например убеждение в виновности Бориса, сейчас принимает характер художественный, характер эпоса, облекается в подробности и вообще в формы действительности.

Перейдем теперь к следственному делу. Начало его, к сожалению, утрачено.

Г. Соловьев находит, что следствие было произведено неполно, невнимательно, особенно там, где могли раскрыть-

ся обстоятельства, где могло бы выйти указание против Годунова, одним словом, что следствие было произведено недобросовестно. Следствие могло быть произведено полнее и внимательнее – это справедливо; но это еще не показывает недобросовестности. Уклонения же в следственном деле от вопроса, который должен был бы обличить злодейство, уклонения, которое можно бы счесть умышленными, не показывает нам и сам г. Соловьев.

Между тем, из самого следственного дела выдаются несколько обстоятельств, которые дают повод думать, что злодейское дело было или выдумкой, или по крайней мере мечтой, порожденной подозрением и враждой. Михайло Нагой обвиняется в том, что он велел собирать ножи, пищали, палицу железную и сабли, и класть на убитых людей. Михайло Нагой отпирается и говорит, что все эти оружия клал городской приказчик Русин Раков.

Русин Раков со своей стороны говорит, что Михайло Нагой запирается и что он по его приказу спрашивал нож у Бориски, и проч. Кто клал оружие, это решить трудно; но неоспоримый факт тот, что *оружие было положено на убитых*. Нельзя предположить, чтобы все эти люди пришли на царевича с оружием, и именно с оружием такого рода, как пищаль и палица: это бы противоречило и летописному рассказу. Итак, оружие было положено потом нарочно, и было положено, конечно, стороною Нагих. В этом поступке является уже очевидная неправда, умышленная попытка обви-

нить Битяговского и других в убийстве царевича. Это обстоятельство обличает весьма неловкую, грубую хитрость, весьма близорукий расчет с целью уверить, что все эти люди, побитые народом, точно виноваты в смерти царевича, как будто бы они пришли на него с пищалями, саблями и прочим оружием. Можно, впрочем, с другой стороны одно сказать, что Михайло Нагой, будучи убежден сам по крайней мере, что царевич убит, прибегнул для убеждения в том других к этому грубому способу. Но зная истину, он тогда скорее бы мог догадаться, что он ее исказит таким образом; прибегают, не рассудив, даже к грубым хитростям тогда, когда хотят выдать за истину и утвердить ложь, а не тогда, когда думают уверить в истине, которая невольно рождает уверенность в убежденном в ней человеке. Вот почему мы считаем означенное обстоятельство сильно говорящим в пользу того, что царевич был не убит, а сам убился. Быть может, что Михайло Нагой сгоряча и подумал, что царевич был убит, особенно при своей вражде с обвиненными людьми; но потом, опомнившись и узнавши истину, прибегнул к этой грубой мере, чтобы накинуть подозрение или даже улику на побитых народом. Прибавим, что Русин Раков и брат Михаила Нагого Григорий прямо объясняют, что Михайло Нагой для того велел класть оружие на побитых людей, что будто те люди Дмитрия царевича убили. Самое то, как добивается Михайло Нагой (как видно из следственного дела) палица Михаила Битяговского тоже наводит подозрение, хотя палица эта бы-

ла положена не к Битяговскому, а к Осипу Волохову. Впрочем, здесь мог быть тот намек, что Осип Волохов взял у Михаила Битяговского с его, разумеется, согласия его палицу; таким образом Михайло Битяговский, который сам не обвиняется в убийстве царевича, делался участником злодейства.

Далее. Конечно, с другой стороны, наводит сомнение то, что многие и невидавшие твердо говорили, что царевич убит сам. Они, должно предположить, говорили то, что слышали от других: между тем, естественно, что народ, избивши тех, кого он считал убийцами, должен был говорить иное. И точно, как бы в доказательство, что здесь не только приводятся мнения в пользу того, что царевич убит сам, мы находим несколько свидетельств, указывающих, что и народ говорил и то, что царевич был убит (чего не замечает г. Соловьев)⁸. Архимандрит Воскресенский Феодорит и игумен Алексеевский Савватий, услышав звон, посылали слуг разведывать, и они сказали, что слышали от посадских и от посошных людей, что будто царевича Дмитрия убили, а кто – неизвестно. Данило, сын Михаила Григорьева, тоже показывает, говоря, что ему посадские люди назвали даже убийц царевича: Данила Битяговского и Никиту Качалова. Впрочем, положим, что сей Данило хотел себя оправдать, ибо его обвиняли в том, что он с прочими бил Битяговского и других.

⁸ Вот и все очевидцы! Остальные же лица говорили по чужим речам (чьим – неизвестно): и все эти люди, сами ничего не видавши, тем не менее утверждают, что царевич играл с детьми и в припадке падучей болезни, сам наткнулся на нож. «История России», т. VII, с. 427.

Иван Пашин и Василий Буторин показывают просто, что они не знают, как не стало царевича Дмитрия и как побили Михаила Битяговского с товарищами. Итак, не все говорят, что он убился сам. Заметим также, что те, которые говорят это, ссылаются не на посадских людей, которые избили подозреваемых в убийстве царевича. Впрочем, очень возможно, что или опомнившись, или даже продолжая быть убежденными в злодействе, которого свидетелями не были, но думая, что следователи не расположены ему верить, и не со страху стали показывать, что царевич убился сам. Тем не менее свидетельство их, как не очевидцев, имеет только относительное значение. Свидетельство же священника Богдана, что он в то самое время, как ударили в набат, обедал у Михаила Битяговского, и что сын Михайлов – Данило был в то же время на подворье отца своего, обедал, – думаем, заслуживает внимания: а свидетельство это устраняет подозрение на Битяговского и сына его. Замечательно также, что все эти люди, подозреваемые в убийстве, были схвачены не на дворе царском; положим, что они успели убежать, но отчего они не убежали дальше? Наконец, если Михайло Битяговский был участником злодейства, то с его стороны было отчаянной дерзостью явиться перед разгневанным народом в ту минуту, как преступление только что совершилось и как народ готов был казнить преступников. Обстоятельства придают делу такой вид, что подозреваемые были схвачены врасплох, а это едва ли могло быть, если бы подозрение было справед-

ливо. Показание жильцов-детей должно иметь, кажется, тоже важность, тем более, что на одного из них весьма правдоподобно ссылаются подклюшники: «Стояли де мы вверху за поставцем: ажио де бежит вверх жилец Петрушка Колобов и говорит: тешился де царевич с нами на дворе в тычку ножом» и проч.⁹

В заключение мы находим со своей стороны весьма естественным все углицкое событие, принимая мнение, что царевич убит сам. Надобно вспомнить, что между Нагими и Битяговским (а вероятно и близкими к нему) была вражда; в этот же день поутру Михайло Нагой бранился с Битяговским. Вдруг Дмитрий, начавши играть в тычку, убивает нечаянно сам себя. Выбегает царица, видит умирающего сына и, в отчаянии сейчас называет ненавистных ей людей как убийц ее сына, людей, очень может быть, в самом деле ею подозреваемых; в то же время кидается она на мамку царевича (мать одного из этих людей) – и начинает ее бить; по словам Огурца, царица послала тогда же звонить в колокола. На звон прибегает Михайло Нагой и тоже, может быть, искренно подозревая, обвиняет подозреваемых перед собравшимся народом, который загорается, как порох, гневом и избивает людей, обвиняемых в убийстве. Свидетелей было немного. Насильственная, невольная смерть последнего царевича, поражая ум народный, порождает мысль, что царевич был убит, становится народным сказанием, убеждением

⁹ Собрание государственных грамот и дел, с. 113.

народным, страшно сокрушает престол Бориса и переходит в потомство.

Нашего мнения мы не говорим утвердительно; мы представляем только свои соображения в пользу того, что Дмитрий царевич убит сам. К этому мнению склоняет нас и величавое лицо Бориса Годунова, которому такое злодейство несвойственно и который однажды сам жертвовал жизнью, стараясь защитить царевича Иоанна от ударов Иоанна Грозного. Желательно, чтобы, если можно, дело это наконец разъяснилось, и чтобы страшное пятно было снято с имени великого государя Бориса.

Переходим к другим замечаниям.

Г. Соловьев так начинает V главу: «XVI век исходил; с его исходом прекращалась Рюрикова династия. В двух различных положениях, в двух различных странах следили мы за деятельностью потомков Рюрика и не могли не заметить основного различия в этой деятельности. Сначала мы видим их действующими в громадной и редко населенной стране, не имевшей до их появления истории. С необыкновенной быстротой Рюриковичи захватывают в свое владение обширные пространства и подчиняют себе племена, здесь живущие: эту быстроту объясняет равнинность страны, удобство водных путей, малочисленность и особенность племен, которые не могли выставить крепкого и дружного сопротивления, ибо не знали союзного действия; каждое племя покорялось поодиночке: ясный знак, что никакого единства между племе-

нами не существовало, что это единство принесено князьями и сознание о единстве народном и государственном явилось вследствие их деятельности. Они расплодили русскую землю и сами размножились в ней с необыкновенной силой: обстоятельство важное, ибо оно дало возможность членам одного владельческого рода устроить себе множество столов во всех пределах громадной страны, взять в свое непосредственное заведование все важнейшие места; не было потому необходимости в наместниках больших городов и областей, в людях, из которых могла бы образоваться сильная аристократия. Князья разошлись по обширной стране, но не разделились, ибо их связывало друг с другом единство рода, которое таким образом приготовило единство земли. Чтобы не порвалась связь между частями, связь слабая, только что завязавшаяся, необходимо было это непрерывное движение, перемещение князей из одной области в другую, с концов отдаленных. Князья со своими дружинами представляли начало движения, которое давало стране жизнь, историю: недаром Мономах хвалится своим движением, большим количеством совершенных им путешествий. Движение, движение неутомимое было главной обязанностью князей в это время: они строили города, давали им жителей, передвигали народонаселение из одной области в другую, были виновниками новых общественных форм, новых отношений. Все новое, все, что должно было дать племенам способность к новой высшей жизни, к истории, было принесено этим движущим-

ся началом, князьями и дружинами их; они в своем движении столкнулись с греками и взяли от них христианство: чтобы понять значение Рюриковичей и дружин их, как проводников нового, людей, пролагавших пути исторической жизни, стоит только вспомнить рассказ летописца о появлении волхва в Новгороде: на вопрос епископа: „а кто идет к кресту и кто к волхву?“ народ, масса, хранящая старину, потянулась к волхву, представителю старого язычества, князь же и дружина его стали на стороне епископа. Скоро, при описании Смутного времени, мы укажем и на великое значение массы народной, охранявшей старину, когда движение пошло путем незаконным» (с. 418—419).

Мы не можем согласиться с автором в той степени значения, какую дает он Рюриковскому дому. Словами этими г. Соловьев совершенно затирает значение земли, народа. Значение Рюрика дома было точно велико, но именно потому, что оно не уничтожало значения земли. В особенности странным кажется нам у г. Соловьева выражение, что «все новое, все, что должно было дать племенам способность к новой высшей жизни, к истории, было принесено этим движущимся (?) началом, князьями и дружинами их: они в своем движении столкнулись с греками и взяли от них христианство». Выходит, что и принятие Христовой веры есть дело не народное, и притом дело случайное! Хотя это и противоречит истории, которая говорит, что еще до принятия христианства Владимиром, христианство уже распространя-

лось в Киеве, что Святослав никому не запрещал креститься (стало быть, крестились), что Владимир, прежде чем принял христианство, совещался с боярами и старцами градскими, что были посланы послы для узнания истинной веры; но, по мнению г. Соловьева, дело принятия в России христианства было решено князьями. Да что же наконец было в самих племенах, призвавших Рюрика? Что же был народ самый, по мнению г. Соловьева? Людская масса, безобразная, нестройная, и более ничего? Именно, масса: так и выражается г. Соловьев о народе; он говорит: «Скоро при описании Смутного времени, мы укажем и на великое значение *массы народной*, охранявшей старину, когда развитие пошло путем незаконным». Итак, народ – это масса, которая знает себе хранить старину, и только; в пример этого автор приводит известный случай (не имеющий общего значения) в Новгороде, что народ предпочел волхва кресту, тогда как князь с дружиной были за крест. Итак, должно заключить, что народ стоял потом за христианство так же, как он стоял прежде за язычество, в силу того только, что это старина? Итак, должно заключить, что христианство было понято в настоящем своем смысле только князьями или высшими сословиями, людьми служилыми, потомками княжьей дружины?.. Неужели так? – А ведь так выходит из слов автора! Незавидная же доля указана нашим историком народу: это тяжелая грубая масса, которая, без всякого рассуждения, держится старины и приносит пользу тогда, когда постоянное ее коснение и упорство

совпадают с истиной, с требованием истории; следовательно, это польза без всякой заслуги со стороны массы народной; в самом же народе – начала жизни, движения разумного преуспеяния не находится.

Нужно ли говорить, что мы здесь совершенно и глубоко несогласны с г. профессором русской истории. Мы думаем, что в России найдутся и кроме нас люди, которые не разделяют таких убеждений.

В прежних статьях наших мы высказывали мысли, противоположные г. профессору; надеемся высказать их не один раз и еще полнее. Теперь же скажем только, что мы совершенно иначе смотрим на отношения государства к народу, или к земле, как выражается наша Русь, – нежели почтенный профессор. Мы думаем, что в народе живет начало внутренней правды; государство же представляет начало внешней правды. Оставляем до более благоприятного случая полнейшее изложение нашей мысли об этом вопросе, как вообще, так и в отношении к русской истории в особенности¹⁰.

¹⁰ По первоначальному плану статьи, автор, напротив, предполагал изложить именно здесь мысли свои о взаимном отношении обоих начал вообще и в русской истории в особенности. В его бумагах находятся принадлежащие к настоящей статье два листа, заключающие в себе черновой набросок этих мыслей. Они были впоследствии выключены самим автором, вероятно, потому, что подробное и тщательное изложение такого важного вопроса отвлекло бы его от предмета самой статьи, и потому что автор имел намерение написать об этом вопросе особое рассуждение. Тем не менее, мы считаем нужным привести это исключенное место здесь вполне, напоминая читателям, что оно только набросок, черновой очерк, оставленный самим автором без отделки. Основная мысль и многие

Теперь мы укажем, подкрепляясь свидетельствами, приводимыми самим же г. Соловьевым, на образ мыслей русского народа, который не худо было бы заметить г. историку.

Идея земли, так ясно сознанная в московскую эпоху, высказывается кроме тех случаев, где прямо говорится о земле, о земском деле (как на Земском Соборе, и во многих грамотах), высказывается стороною и в сношениях России с иностранными государствами. Так бояре наши отвечали Гарабурду, польскому послу, предложившему съезд для постановления вечного мира: «Михаила! Это дело великое для всего христианства; государю нашему надобно советоваться о нем *со всею землею*, сперва с митрополитом и со всем освященным Собором, а потом с боярами и со всеми думными людьми, со всеми воеводами и *со всею землею*. На такой совет съезжаться надобно будет из дальних мест»¹¹. На новые требования о том же предмете послы наши отвечали, что нужно много времени *для совещания со всею землею*. На это поляки отвечали: у вас в обычае ведется, что сдумает государь да бояре, на том и станет, а земле до того и дела нет¹². Понятно, что поляки, вдавшись в государственные аристократические формы и подавив шляхтою простой на-

обороты речи те же самые, что и в статьях «О русской истории и об основных ее началах»; но есть такие оттенки мысли и такие новые выражения, которые, по нашему мнению, еще полнее определяют и уясняют взгляд автора. – Прим. И. С. Аксакова.

¹¹ История России, т. VII, с. 274..

¹² Там же, с. 277.

род, не понимали уже славянского значения земли и не понимали великой нравственной силы свободного общественного мнения, силы всенародного совета, а следовательно и важности Земского Собора, имевшего лишь нравственное совещательное значение. Со своей стороны, Россия не могла понять польского устройства. В царской грамоте, посланной в Литву, говорится: «Вы бы паны Рада, светские и духовные, смолвившись между собою и *со всею землею*, о добре христианском порадели, нашего жалованья к себе и государем нас на корону польскую и великое княжество литовское похотели» и проч.¹³ Кроме того, Россия высказывает этот свой взгляд, как общую истину, и Австрии. Когда один из дворян посольской австрийской свиты объявил Щелкалову, что Максимилиан хочет добиваться польского королевства и надеется, что государь русский ему поможет в том, – Щелкалов отвечал: «Великий государь радел и промышлял об этом, что вам и самим видимо; да если на то воли Божией не было, и то не стало. И теперь государь наш хочет, чтобы Максимилиан был на королевстве польском, да ведь сам знает: *на государство силою как сесть?* Надобно, чтобы большие люди, да и *всей землей захотели* и выбрали на королевство; а только *землей не захотят*, и того государства трудно достигать»¹⁴.

Древняя Россия выразила также свой взгляд на сношения международные и на торговлю. Она признает полную свобо-

¹³ Там же, с. 281.

¹⁴ Там же, с. 329.

ду сношений торговых и всяких. Московские послы говорят шведам: «Сотворил Бог человека *самовластна* и дал ему волю сухим и водяным путем, где ни захочет, ехать: там вам против воли Божией стоять не годится, всех поморских и немецких государств гостям и всяким торговым людям, землею и морем задержки и неволи чинить непригоже»¹⁵. Шведы отвечали на это в противоположном смысле. В грамоте царя Федора к Елизавете королеве английской изъясляется неудовольствие относительно того, что англичане (члены компании) не пропускают кораблей других и иностранных купцов к московскому государству, и говорится: «Мы этому и верить не хотим, а если так делается в самом деле, то это твоих гостей правда ли, что за наше великое жалованье, иноземцев отгоняют? *Божию дорогу, Океан море, как можно перенять, унять и затворить!*»¹⁶

Россия высказывает также, уже известный, признанный и другими за нею, ее взгляд, что каждый имеет право исповедовать свою веру. На просьбу Елизаветы, чтобы англичане могли жить по своей вере, отвечали в России: «Государю нашему до их веры дела нет; многих вер люди живут в нашем государстве, и никого государь от веры отводить не велит, всякий живет в своей вере»¹⁷.

В приведенных нами примерах достаточно, кажется, вы-

¹⁵ История России, т. VII, с. 313.

¹⁶ Там же, с. 335.

¹⁷ Там же, с. 339.

сказывается высокий взгляд русского народа. Это – *русское воззрение*, которое в то же время есть истинное, общечеловеческое.

Мнение наше о VII томе «Истории России», думаем, ясно. Этот том не может называться не только историей, но даже историческим исследованием, даже историческим извлечением. Первая половина его состоит большей частью из отрывочных выписок почти без разработки. Во второй рассказаны события непоследовательно. Нередко встречается небрежность рассказа и самого слога. Вообще, отсутствие настоящей критической обработки и крайняя бедность выводов.

Теперь, когда вышло уже семь томов «Истории России», можно сказать вообще о ней мнение, т. е. обо всем написанном.

В «Истории России» автор не заметил одного – русского народа. Русского народа не заметил и Карамзин; но в то время этого далеко нельзя было так и требовать, как в наше время: к тому же Карамзин назвал свою историю «Историей государства Российского». «История России», предмет настоящего нашего разбора, может совершенно справедливо быть названа тоже «Историей Российского государства», не более; земли, народа читатель не найдет в ней. С другой стороны, так как рядом с государством существует земля (имевшая в России такое важное и сильное значение), то сама история государства как государства, не может быть удовлетво-

рительна, как скоро она не замечает земли, народа.